

- Сравнительно-сопоставительный анализ лексики французского и английского языков, используемой в диалоге культур (конфликтующих сторон): автореф. дис... канд. филол. наук / Ю.С. Литвинова; Московский государственный областной университет. – М., 2007. – 26 с.
5. Лук'янова Т.Г. Об'єктивізація гендерних стереотипів англійськими атрибутивними сполученнями, що позначають природні характеристики людини / Т.Г. Лук'янова // Вісник Житомирського державного університету. Філологічні

- науки. – Житомир, 2007. – Вип. 39. – С. 209–212.
6. Попова Н.В. Понятие лингвокультуры как продукт антропоцентрической парадигмы в лингвистике / Н.В. Попова // Проблемы теории языка и переводоведения: сб. статей. – М.: МГОУ, 2005. – № 27. – С. 55–62.
7. Саплін Ю.Ю. Соціолінгвістика і лексична семантика / Ю.Ю. Саплін. – Запоріжжя: ГУ "ЗІДМУ", 2008. – 289 с.
8. Hirsh Jr. Cultural Literacy. What every american needs to know. – N. Y.: Random House, Inc, 1988.

УДК 811.114

СЕНСОРНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Харченко В.К.

In this article I argue the importance of the sensory linguistics as a substantial addition (and a necessary counterweight) both to the cognitive linguistics and emotional linguistics. The possible fundamental lines of investigation include: sensory images in different discourses, sensation and gender, sensation and age, national specificity of transferring sensory images. The applied aspects are creation of the sensory prototype dictionary, pointing out "professional" metaphors, etc.

Key words: concept, sensory, odor (olfactory), metaphor, prototype.

Ставиться питання про підвищення ролі сенсорної лінгвістики як змістовного доповнення (і необхідної противаги!) до когнітивної лінгвістики та лінгвістики емоцій. До фундаментальних проєкцій можливих досліджень належать: сенсорні образи в різних дискурсах, сенсорика і гендер, сенсорика і вік, національна специфіка сенсорних образів. Прикладними аспектами є створення словників сенсорних прототипів, виявлення "професійних" метафор.

Ключові слова: концепт, сенсорний, одоричний, метафора, прототип.

Любая развитая наука, а современная лингвистика, безусловно, относится к этой почетной категории, в своем насыщении новыми фактами, новыми интерпретациями, новыми исследовательскими моделями сопровождается... дроблением. Причём дроблением не "на более частные" (они как раз и не частные!), а на авторитетные сферы интенсивного поиска. Современная лингвистика сопровождается отпочкованием, обособлением наиболее "модных", притягательных (аттрактивных) направлений. Читатель догадывается, что речь идет в первую очередь о когнитивной лингвистике, впрочем, не только о ней. Выделилась функциональная и синергетическая лингвистика. На протяжении вот уже более трёх десятилетий уверенно заявляет о себе прагматическая лингвистика. Немало исследований продолжает осуществляться в рамках коммуникативной лингвистики. В последнее десятилетие набирает обороты дискурсивная лингвистика. Если брать классификацию лингвистик по жанровым объектам исследования, то в качестве примера можно привести выделившуюся сравнительно недавно документную лингвистику. Раз-

работчиком концепции и автором самого термина "документная лингвистика" является С.П. Кушнерук [8, с. 286]. Перечисленные лингвистики частично накладываются друг на друга, что ожидаемо и естественно и что отнюдь не мешает динамике их, по большому счету, уникального развития. Однако в данной статье мы будем делать акцент не на маргинальных участках дублирования, взаимоналожения лингвистик. Наоборот, сопоставив три лингвистики: когнитивную, эмотивную и сенсорную, постараемся обозначить отдельную, особую нишу именно для сенсорной лингвистики, изучающей системы языковых репрезентаций физиологических показаний пяти органов чувств.

Итак, какими бы впечатляющими не были темпы развития и успехи упомянутых выше лингвистик, целесообразно признать, что, тем не менее, есть неизученные зоны, есть лингвистики, обойденные системным вниманием цеха лингвистов-исследователей, лингвистов-тружеников. В современном языкознании (не только отечественном!) ситуация такова, что по масштабу своих исследований когнитивная лингвисти-

ка на порядок опережает разработку и развитие сенсорной лингвистики [14, с. 85–88]. Выравнивание приоритетов в любой отрасли знания задача по определению тупиковая, и речь пойдет “всего лишь” о том, что привлечение сенсорной компоненты позволит (это первая проекция!) системно оживать концепты в богатстве сопутствующих им ощущений – не только эмоций. Так называемый информационный бум (а точнее, развившаяся по экспоненте доступность информации!) оборотной своей стороной весьма и весьма потворствует сведению гештальта к формуле, схеме, выхолащиванию “подробностей”. “Талант – это подробность”, – заметил И.С. Тургенев. Отчасти поэтому и встает вопрос о сенсорной поддержке, прежде всего, национально значимых, ключевых концептов: “дом”, “семья”, “труд”, “любовь”, “вера”.

Почему мы говорим о поддержке концептов и об обособлении специальной науки – сенсорной лингвистики? Почему нельзя тот же концепт “вкус” рассматривать в рамках когнитивистики? Полагаем, что когнитивистика не должна “всё” захватывать. Появились, например, исследования репрезентации концептов “Печорин” или “Фауст” [12] именно как концептов, хотя целесообразнее, по-видимому, выделить особую область актуальной лингвистики – назовем её персонажной лингвистикой, или персонилингвистикой. О персонификации пишет в своей статье Г.Г. Хазагеров, подчеркивая дефицит образов литературных героев в языковом сознании современного школьника и о последствиях такого дефицита [13, с. 132–145]. Аналогично и с сенсорикой. Чтобы почувствовать дефицит “сенсорного языка”, надо рассмотреть эту проблему отдельно от других, не перекрывая сенсорные сигналы избытком интеллектуализма, отражаемого в языке. Общая мысль такова: исследуя нарративы и дискурсы, тексты и интертекстуальность, концепты и кластеры, не будем без лингвистического внимания надолго оставлять языковую сенсорнику. И здесь важно учитывать достижения не только писателей-классиков.

Чтобы показать сенсорную поддержку концепта ЖЕНЩИНА, приведём в качестве примера отрывок из повести Ирины Васильковой, представляющий собой гимн осязательным ощущениям, осанну тактильным образам.

Женщина познаёт мир на ощупь, через прикосновения, плотность материи, текстуру и фактуру, текучесть и вязкость. Так устроена жизнь – кто же ещё проследит, чтобы манная каша была без комков, складки в промежности младенца присыпаны атласным тальком, крахмальное бельё помогало уютно скользить без сцепления, а рыхлая

земля не мешала дышать цветам. Швейная машинка монотонно стрекочет – под пальцами то шёлк, то кожа, холодные спицы ряд за рядом достраивают спинку колючего свитера, тесто упруго возвращает усилие кулакам, и блестят вымытые стёкла. Это счастье – лепить действительность, дарить жизнь несуществующим вещам, осязая явленное [4, с. 49]. Мы взяли лишь один отрывок из рассказа. Мысль о женском счастье осязательных переживаний получает далее едва ли не философское обобщение. Ирина Василькова – писатель пока ещё не очень известный, но талант передачи сенсорных образов у этого автора несомненен. Приведём фрагмент из другого рассказа – о матери.

Есть люди, живущие жизнью как бы по касательной, не взаимодействуя с её веществом, не влияющие на её равнодушное течение, а есть другие – им всегда надо лепить, мять, красить. Эти руки всегда в земле, в побелке, исколотые иглой и красны от дешёвого мыла, но вокруг всё в цвету, всё свежеевыкрашено и свежеевыстирано, крахмальное бельё хрустит, а дети уплетают домашний пирог, не подозревая, что может быть по-другому [5, с. 45]. Кстати, во французской культуре тактильные ощущения трактуются как первоощущения, занимают лидирующую позицию (не забудем, что русская литература через гения А.С. Пушкина многое почерпнула из французской стилистической и риторической традиции). Однако читая и классиков, и современные произведения, мы не вправе искать “французский след”.

Поясним мысль. В отношении искусства передачи запахов в отечественной классике, безусловно, лидируют такие писатели, как И.А. Бунин и С.Н. Сергеев-Ценский [15; 16], в искусстве передачи вкусовых ощущений – Н.В. Гоголь, И.С. Шмелёв, из более поздних – В.А. Солоухин, В. Пьецух. Общеизвестным стало признание И.А. Бунина о тонкости его слуха и обоняния. Выразительный язык передачи сенсорных ощущений – прерогатива не только классических текстов, что мы и пытались показать на примере фрагмента рассказа современной писательницы. Иногда бывает достаточно всего одной строки, чтобы почувствовать уважительное отношение автора к сенсорным впечатлениям: *Дерево гудит от пчёл* (Б. Екимов);... *Он спит на прохладных, почти звенящих простынях* (Д. Маркиш).

Лингвиста-сенсорика заинтересуют отрывки из произведений многих современных авторов, заслуживающие изучения, систематизации и лексикографирования. Современный писатель Сергей Есин неоднократно демонстрирует, например, художественный эффект вслушивания (кстати у писателя есть рассказ “Техника слуха”).... *Томик запрещенного тогда Солженицына.*

Всю дорогу читал, вокруг ходила, щелкая зубами, стюардесса; И в этот момент в глубине квартиры раздаются тихие шаркающие шаги. Саломея идет, как будто шуршат сухие листья; Обычно Саломея просыпалась первой. Сначала слышался скрип ее кровати, потом раздавалось цоканье по полу когтей Розы. Приведенные примеры из романа С. Есина "Марбург" подчеркивают, что без языкового запаса (в сочетании с непрекращающимся, перманентным языковым экспериментом!) невозможно полнокровно описать улавливаемые дифференциальные признаки звучащего быта, звучащей, слышимой жизни во всех её мелочах и частностях. Писатель – это ещё и принимающее устройство, гениальный приёмник. В XIX в. такими "приёмниками" звуков, запахов, тактильных сигналов, не говоря уже о зрительных сигналах, были врачи. Земский врач, входя в избу, по запаху мог поставить диагноз: тиф или не тиф. Доктор медицинских наук, профессор Юрий Иванович Афанасьев (Белгородский государственный университет) рассказывает студентам-старшекурсникам, как берегли врачи собственный организм, работавший (пальцы, уши, глаза, нос) не хуже целой лаборатории и современного компьютерного томографа.

Вернёмся к художественным текстам. В романе "Марбурге" С. Есин стремится к передаче и полисенсорных ощущений, более того, снабжает читателя некоторыми художественными механизмами обострения, например, слуха: *Исчезают ли из комнат некогда звучавшие в них разговоры или остаются в качестве микроскопической пыли либо молекулярными изменениями в материале стен, и со временем будут изобретены приборы, которые эти разговоры, перемешанные и уплотненные, разделяют послойно. Боже мой, что же наши потомки услышат когда-нибудь!* Техника слуха развивается при вчитывании в то, как описывается пение Саломеи в холодных сенях вблизи играющей свадьбы:... *Как клетот начинающего действовать вулкана, начало сочиться невероятно низкое, дрожащее и переливающееся контральто Саломеи. Сначала это была как бы только проартикулированная дыханием, его естественным ходом, мелодия, но мелодия самоговорящая, в которой все мы, слушавшие радио той поры, сразу угадывали слова: "Ах, нет сил снести разлуку, жду тебя..."*. Знаменитая ария из знаменитой оперы. Описание начинается с тоже звучащей гиперболы (вулкан), потом опрокидывается в самую тишину (дыхания), а в конце "включается радио".

Как в плане сенсорной лингвистики соотносить прозу с поэзией? Современный ав-

тор, особенно много пишущий, особенно романист, выстраивает, скорее всего, интуитивно задачу гармонии отслеживания показаний пяти органов чувств. Прозаик не ограничен тесными рамками лирического жанра, диктатом ритма и рифм, и потому время от времени делает экскурсы в аудиальные, вкусовые, ольфакторные, тактильные переживания своих героев. Поэты – это почти всегда "голое зрение". Когда поэт стремится передать ещё и звуки ("когда гремел мазурки гром..."), вкус ("румяно-желт пирог"), тактильное ощущение ("С холоду щеки горят, / Любо в песу мне бежать..."), запах ("в сердце ландыши вспыхнувших сил"), то это уже входит в сокровищницу крылатых слов. Над обогащением языка сенсорных образов работают и современные поэты. Приведём строки из стихотворений орловского поэта Николая Перовского (1934–2007), свидетельствующие о том, как врывается в стихотворение звук или осязательное ощущение, или начинает чувствоваться запах, хотя – в стихотворении (ниже приведена эта строфа!) внешне всё обстоит как раз наоборот – запах слабеет, утрачивается. *Чью-то сновиденья провожая, / чью-то ночь, сгоревшую дотла, / истовая, стёртая, чужая / шаркает и шаркает метла ("Дворник")... Расколовшейся радуги блески / размывают и колют глаза ("Чудо");... Магнолией и йодом / наш берег напоён ("Ялта"); И довели до места, и снесли / к пределу, где кресты стояли косо, / и с каждым комом сброшенной земли / слабее становился запах тёса ("В райцентре")* [9].

Как видим, в рамках сенсорной лингвистики по-иному может сложиться "табель о рангах" классических и современных писателей и поэтов, во-первых, талантливо передающих сенсорные образы, во-вторых, умеющих регулировать показания различных органов чувств.

Сенсорная поддержка концепта имеет выход в методологию научного и художественного творчества, в религиозный дискурс. Лауреат Нобелевской премии (1983 г.) публицист Элиас Канетти, автор книги "Масса и власть", в своих воспоминаниях рассказывал, как в течение шести лет слушал шум стадиона: сложный слуховой образ помогал размышлениям о сути толпы, массы, о динамике ее зарождения и проявления. В. Розанов, сочиняя свои произведения, перебирал старинные монеты: осязательный образ оказывался востребованным для рождения и углубления мысли. Композитор Людвиг Ван Бетховен к третьей части одной из своих симфоний поставил эпиграф: "Прежде чем начать работать, должен вкусно я поесть". Известно, что Алексей Толстой просил у Сталина... ковёр. Сложный и гармо-

ничный ковровый узор помогал писать да-
лёкие от ковра вещи.

Недавние исследования феномена рели-
гиозности свидетельствуют о том, что
концепт ВЕРА насыщен осязательной и
ольфакторной памятью. "Повествуя о ве-
щах неосязаемых, вера говорит с нами язы-
ками нашего тела. Она хрустит под пальца-
ми скорлупой пасхальных яиц, вязнет на
зубах сладостью кулича, рассыпается пла-
стинкой мацы, тает на языке прохладной
дождевой водой, выпитой в коломенском
камне (есть у камнепочитателей и такой
обычай!), и его серая шершавость и сырой
холодный воздух вокруг – всё, всё входит в
состав веры и становится ее аргументом. /
Представления можно опровергать. С фор-
мулировками можно спорить. Но как поспо-
ришь со сладким, тёплым, густым, рассып-
чатым, шершавым?" [1, с. 115].

Все, о чём сейчас шла речь, – это первая
проекция: проекция сенсорной лингвистики
на когнитивную, обеспечивающая сенсор-
ную поддержку концепта. Остальные проек-
ции обозначим тезисно. Оторванным от
сенсорики оказалось развитие не только
когнитивистики, но и современной эмотоло-
гии. Лишь в отдельных монографиях для
создания полнокровной теории эмоций ис-
пользованы и задействованы отражаемые в
языке и тексте физиологические показания
органов чувств [10; 11].

Если от фундаментальных проекций пе-
рейти к прикладным, то надо очертить сле-
дующий круг вопросов. Все меньше стано-
вится "живой жизни" в школьной дидактике.
Даже из обычной нашей повседневности
вымывается – нет, не сама сенсорная ком-
понента – а её переживание, осмысление.
Сенсорная лингвистика призвана противо-
стоять негативному воздействию процесса
глобализации. Одни и те же "картинки", иг-
рушки, продукты питания, ткани, один и тот
же евроремонт, одинаковый стандарт ме-
бели, архитектуры (и т. д. и т. п.!) при внеш-
нем, поверхностном разнообразии упаковок
и украшений означают, что в палитре сен-
сорных переживаний набирают обороты
одни и те же зрительные образы, звуковые
сигналы, тактильные ощущения, вкусовые
переживания. Между тем зарубежные уче-
ные, в частности Чарли Спенсер, установи-
ли, что дефицит сенсорных ощущений спо-
собен привести даже к депрессии. Об этом
же писал В.А. Филин, раскрывая принци-
пальное разнообразие крестьянского мира
(быта) [7].

Все вышеперечисленное легко проиллю-
стрировать, зафиксировать, но сложнее от-
ветить на вопрос о причинах отставания
сенсорной лингвистики и даже об
"отсутствии" такой области лингвистики в
системе предпочтений исследовательского

поиска. "Стык" языкознания и литературо-
ведения продвинул изучение образного ря-
да художественных текстов, в школьной
дидактике многое сведено к требованию
наглядности. Зрительный канал восприятия
в почете, но белыми пятнами лингвистиче-
ских исследований остаются:

а) проникающий в язык дефицит сен-
сорных образов (здесь можно сравнить
различные дискурсы);

б) невнимание к сенсорным открытиям в
текстах малых форм и литературы pop
fiction – не самым известным авторам но-
велл, рассказов, очерков, мемуаров;

в) ущербность языка запахов, отсутст-
вие словаря запаховых (одорических, оль-
факторных) прототипов;

г) выявление национальной специфики
в передаче сенсорных переживаний и обра-
зов; кстати, эту специфику можно выявлять
по текстам семейных родословных (сочине-
ний на тему "История моей семьи"), в кото-
рых, концепт ДОМ часто ассоциируется с
запахом бабушкиных пирожков;

д) динамика чувственных переживаний:
сенсорика и возраст, сенсорика и гендер,
сенсорика и профессия.

В общем списке лингвистических работ
сенсорной направленности по числу публи-
каций явно отстаёт лингвистика запахов. В
гамме сенсорных впечатлений ольфактор-
ная, одорическая, запаховая компонента
исследовалась 1) применительно к идио-
стилю отдельных писателей и 2) в тесном
сплетении с остальными сенсорными ощу-
щениями: вкусовым, осязательным, слухо-
вым и ведущим, зрительным.

Мы будто бы и не имеем права объяв-
лять "запаховую" лингвистику белым пят-
ном, но ситуация здесь сложная, и вот по-
чему. Белое пятно здесь – в самом языке.
Мы не умеем передавать ольфакторные
впечатления. Вот почему любое изучение
лингвистами, психологами "запаховой
составляющей" языка так важно для нашего
сенсорного неуывдания. В общем блоке
слуховых, осязательных, зрительных, вку-
совых ощущений языковая передача запа-
хов остаётся наиболее загадочной.

В рекламе парфюмерной продукции
представлена структура запахового впечат-
ления, но слишком усложнённая, хотя будто
бы чётко структурированная: верхняя нота...
аккорд в сердце... нижняя нота...

Туалетная вода Uomo Felice (Уомо Фе-
личе) для мужчин. Древесно-цитрусовый
аромат. Верхние ноты полны ароматов жар-
кого сицилийского побережья: бергамот,
сладкий лимон, мандарин, розмарин, мус-
катный орех. Лёгкая свежесть цитрусового
аккорда в сердце переходит в мужествен-
ные ноты лаванды, подчеркнутые ирисовым
корнем и резедой. Композиция завершается

мягким теплом дубового мха и кедровой смолы (Faberlic. – 2007. – 01 дек. – 13 янв.). Убедительно, чтобы купить, и неубедительно, чтобы согласиться со столь пёстрым букетом впечатлений. Хватило бы, пожалуй, начального и лаконичного: древесно-цитрусовый аромат.

Итак, лингвисту можно в поддержку запаховой вселенной собрать наиболее талантливые примеры передачи запахов, открытия носителей запахов.

Не исключено, что такое изучение нужно начинать с составления словаря запаховых прототипов (ольфакторных эталонов, одорических образов). Такой словарь составят примеры-иллюстрации на снег и пирожки, весенние почки и прелые листья, черёмуху и новогоднюю ёлку, навоз и кислые щи, больницу и рентген-кабинет, крапиву и мокрые дрова, пот и кровь, французские духи и духи из тех, что подешевле. Это в прямых проекциях. Но проекции могут быть и перекрёстными: *снег пахнет арбузом*. Может быть, где-то в недрах уже наработанного языком, но не собранного, отыщутся идеальные способы передачи ольфакторных впечатлений.

Сенсорная лингвистика, перспективы развития которой мы и пытались обосновать, напрямую выводит на феномен нанолингвистики. Компьютерный томограф, фантастический по мощи электронный микроскоп, да что там, даже самый простой прибор – прикладная филология имеет ли ко всему этому отношение? Ответим так. В век интенсивного развития техники важно не потерять человека, дабы не ослабели у него возможности считывания информации без приборов. Для этого могут быть задействованы образные слова, помогавшие в известном эксперименте К.В. Бардина, определять более громкий звук, когда разница в силе звука была минимальной (*металлический – деревянный, гладкий – шершавый, острый – тупой* и т. д.) [2, с. 54–61; 3, с. 75–83]. Чтобы научить специалиста оптимально использовать возможности языка, ещё больше нужно умных, талантливых специалистов-филологов, чтобы настроить профессионалов не только считывать показания приборов, но на языковом уровне научиться передавать тончайшие оттенки пульса, цвета кожи (в медицине), типа пейзажа (в географии), тембра голоса (в криминалистике). Увы, мы всё ещё слабо развиваем язык в этом направлении. Впрочем, и сам лингвист, особенно лексикограф, должен совершенствовать свой дар схватывания и обозначения всевозможных оттенков, на что указала практика составления словаря цветообозначений. Цветущий зверобой – жёлтого цвета, но ведь и коровяк (Адамова свеча) жёлтый, и лютик жёлтый, и куриная

слепота, и подмаренник, и золотарник. Можно ли “факты жизни” обозначить словами так тонко и точно, чтобы и на вербальном уровне различать оттенки, дарованные нам природой? Как бы то ни было, у сенсорной лингвистики большое будущее, требующее исследовательских усилий сейчас, в настоящем.

Литература

1. Балла О. Вера: вкус, цвет и запах / О. Балла // Знание – сила. – 2008. – № 4. – С. 115. (Краткий обзор русско-французского сборника статей: Религиозные практики в современной России. – М.: Новое издательство, 2006. – 400 с.)
2. Бардин К.В. Многомерность ощущения и ее использование наблюдателем / К.В. Бардин // Когнитивная психология: материалы финско-советского симпозиума. – М., 1986.
3. Бардин К.В. Психофизика и пороговая проблема / К.В. Бардин // Психологический журнал. – 1992. – Т. 13. – № 2.
4. Василькова И. Садовница: повесть / И. Василькова // Новый мир. – 2007. – № 7. – С. 45.
5. Василькова И. Художник по свету: рассказ / И. Василькова // Знамя. – 2007. – № 2. – С. 49.
6. Канетти Э. Факел в ухе. Фрагменты автобиографии: пер. с нем // Э. Канетти / Иностранная литература. – 2008. – № 9. – С. 103–249.
7. Куликова М. Филин это видит. Русский ученый обосновал физиологическую потребность красоты / М. Куликова // Огонёк. – 2002. – № 35. – С. 34–37.
8. Кушнерук С.П. Теория современного документного текста: дис... д-ра филол. Наук: 10.02.19 / С.П. Кушнерук. – Волгоград, 2008. – 333 с.
9. Перовский Н. Звезда упала. Избранная лирика / Н. Перовский. – Набережные Челны, 2002. – 104 с.
10. Пименова М.В. Красотою украси: Выражение эстетической оценки в древнерусском тексте / М.В. Пименова. – Санкт-Петербург; Владимир, 2007.
11. Романов Д.А. Эмоции в системе языковых репрезентаций / Д.А. Романов. – Белгород, 2004.
12. Семочко С.В. Концепт “Фауст” как константа немецкой культуры: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.04 / С.В. Семочко. – Воронеж, 2004. – 18 с.
13. Хазагерев Г.Г. Персоносфера русской культуры / Г.Г. Хазагерев // Новый мир. – 2002. – № 1. – С. 132–145.
14. Харченко В.К. Белые пятна на карте современной лингвистики / В.К. Харченко. – М., 2008.
15. Харченко В.К. И.А. Бунин и С.Н. Сергеев-Ценский: ольфакторная составляющая

художественной сенсорики / В.К. Харченко // Творчество И.А. Бунина и русская литература XIX–XX вв. – Белгород : Изд-во Белгородск. гос. ун-та, 2007. – С. 205–209.

16. Харченко В.К. Художественная сенсорика С.Н. Сергеева-Ценского / В.К. Харченко // С.Н. Сергеев-Ценский и современность : материалы всероссийской научной конф. языковедов и литературоведов. – Тамбов : Першина, 2005. – С. 67–71.

УДК 811.161.2'276

МОЛОДІЖНІ СЛЕНГІЗМИ LUNFARDO В АРГЕНТИНІ ТА УРУГВАЇ

Черненко С.А., Куліченко А.К.

The article is devoted to the research of youth slang Lunfardo. The development stages of Lunfardo are considered. The language situation of the variant of Spanish is analysed and its development regularities are differentiated. The sociolinguistic status of Lunfardo is determined.

Key words: *sociolect, youth slang, jargon, inversion, lexical unit, semantic field, linguistic competence.*

Статья посвящена изучению молодежных сленгизмов Lunfardo в Аргентине и Уругвае. Рассмотрены этапы развития Lunfardo. Проанализирована языковая ситуация этого варианта испанского языка и выведены закономерности его развития. Определен социолингвистический статус Lunfardo.

Ключевые слова: *социолект, молодежный сленг, жаргон, инверсия, лексическая единица, семантическое поле, языковая компетенция.*

Знання мовної системи саме по собі не забезпечує успішну комунікацію. Національно-культурна специфіка виявляється на всіх рівнях мовної системи, недостатнє її врахування часто призводить до неправильної інтерпретації іншомовного тексту, усного чи письмового, та навіть може стати причиною "неуспішної" комунікації. Це питання є дуже актуальним на сучасному етапі розвитку у зв'язку зі зростаючою роллю міжнародних контактів та необхідністю досягнення взаєморозуміння між народами в діалозі культур. Іспанська мова надає широкі можливості для вивчення національно-культурної специфіки мовної поведінки. Це пов'язано, перш за все, з її великим територіальним поширенням, своєрідністю національних культур її носіїв, різноманітністю їх етнічного складу тощо. На сьогодні іспанська мова є однією з найпоширеніших мов у світі – налічується приблизно 400 млн іспаномовних мешканців планети [6, с. 1].

Об'єктом нашого дослідження є своєрідна мова Lunfardo – соціолект, який входить до складу аргентинського та уругвайського варіантів іспанської мови. Метою дослідження є визначення соціолінгвістичного статусу Lunfardo на території Аргентини та Уругваю. Завдання дослідження включають аналіз мовної ситуації Lunfardo та виведення закономірностей розвитку. Матеріалом для дослідження став *Diccionario de Lunfardo* [8]. Фактичний матеріал становить 358 прикладів. У сучасній іспаністиці існує тільки побіжна наукова праця Д. Тамбуріні, яку присвячено питанню Lunfardo. Отже, Lunfardo як мо-

лодіжний сленг не було досліджено, що й зумовлює актуальність цієї статті.

Лексичний корпус кожного варіанта іспанської мови являє собою сукупність загальноіспанських слів і стійких зворотів (паніспанізмів), що становлять більшість словникового запасу кожної іспаномовної нації [4, с. 22]. В Аргентині та Уругваї, точніше в Буенос-Айресі та Монтевідео, відмінність місцевого іспанського мовного варіанта середнього кастильського діалекту середньовічної Іспанії особливо помітна. Річ у тім, що Аргентина та Уругвай спостерігали масову імміграцію європейців у 1880–1930 рр., коли до цих країн прибуло близько 3,5 млн іммігрантів з Франції, Португалії, Польщі, Іспанії. Однак іспанці становили лише третину всього потоку, здебільшого це були селяни з півдня Італії (Медзоджорно), що розмовляли спорідненими з іспанською мовою діалектами. Масовий приплив італійців, більшість з яких ніколи не вивчали іспанську мову, проте розуміли її, привів до формування особливого пролетарського соціолекту Lunfardo (або *Habla del porteno*), який започаткували іспанські каторжники ще в XVII–XVIII ст. У соціально-культурній перспективі цей процес є прикладом амальгами, культурних взаємовідносин на рівні етнічного злиття, що сприяло проникненню мови іммігрантів до літератури. Наприкінці XIX ст. Буенос-Айрес та Монтевідео порівнювали з Вавилонською вежею: "сукупність видів та говорів, де суворі звуки, що видають німці, немилосердно змішані із солодкими нотами італійської мови; де мужній англійській ви-